

Пройдя некоторое расстояние, он увидел лишь двух-трех слуг, спешащих по своим делам. Они словно не замечали, что во двор вошла театральная труппа, опустив головы и не показывая своих эмоций. Во дворе царила холодная пустота, явно не убираемая, создавая ощущение запустения. Многие растения росли беспорядочно, явно без ухода, и весь двор был необычайно тихим. Но Хуа Чжаошуй не придавал этому значения, решив, что дом только что построен, и еще не все устроено.

Во время выступления в зале сидело всего несколько человек, и они не выглядели как хозяева дома. Они не аплодировали и не выражали восторга, сохраняя такую же тишину, как и весь двор. Когда выступление закончилось, Хуа Чжаошуй не выдержал и остановил проходящего слугу, спросив:

— Хозяин дома сегодня не придет?

Слуга покачал головой, не произнося ни слова, лишь пустым взглядом посмотрел на него и тут же обошел, двигаясь странно легко.

Во дворе было слышно, как шумит бамбуковый лес. Дом был настолько тихим, что этот звук казался еще более зловещим. Хуа Чжаошуй, напуганный взглядом слуги, замер на месте, пока звук гонга не вернул его к реальности, и коллега не позвал его на сцену.

Те, кто слушал выступление, сидели как марионетки, не издавая звуков и не прикасаясь к чаю, что заставляло Хуа Чжаошуй чувствовать себя неловко. Он тихо схватил своего коллегу-актера и шепотом сказал:

— Тебе не кажется, что здесь что-то странное?

Актер огляделся и спросил:

— Что именно?

Хуа Чжаошуй взглянул на зрителей и сказал:

— Они такие странные, совсем не двигаются и не издают звуков.

— Сяо Хуа, может, ты все еще нездоров? — актер даже потрогал его лоб. — Они же разговаривают? Только что спрашивали меня — смотри, они до сих пор общаются с нашими людьми.

Хуа Чжаошуй снова посмотрел, но все, что он видел, — это шесть-семь человек, сидящих как куклы, без единого движения, не говоря уже о разговорах.

— Ладно, если тебе плохо, после выступления возьми еще несколько дней отпуска, отдохни.

Хуа Чжаошуй повели дальше, но тревога в его сердце только усиливалась. Он подумал: «Неужели я действительно схожу с ума?» Поднявшись на сцену, он еще не успел заговорить, как почувствовал, что подвеска на его шее нагрелась. Он замер, невольно потрогав ее через одежду.

Эта подвеска, после того как даос наложил на нее печать талисмана, больше не подавала признаков жизни, и он уже почти забыл о ней. Теперь, когда этот дом казался все более странным, а подвеска вдруг ожила, он не мог не испугаться.

Он подумал, что лучше найти предлог, отказаться от выступления, оставить деньги и уйти. Он опустил голову, обдумывая это, но, подняв взгляд, встретился с глазами зрителей — их взгляды были такими же пустыми, как у того слуги.

Хуа Чжаошуй от страха отшатнулся, но коллега вовремя поддержал его, спросив:

— Что случилось?

Хуа Чжаошуй схватил его за руку, бледный, и сказал:

— Мне... мне плохо, голова кружится. Может, сегодня не будем петь, вернемся?

Коллега смущенно ответил:

— Так нельзя, деньги уже взяли, директор разозлится, если мы не выступим — тем более господин Сун сейчас не в Цзиньюне, будь осторожен, тебе не сбежать.

Видя, что Хуа Чжаошуй действительно выглядит плохо, он добавил:

— Может, ты отдохнешь, а я спою за тебя.

Хуа Чжаошуй уже дрожал, качая головой:

— Нельзя... нельзя петь, мы должны уйти сейчас!

Коллега, сбитый с толку, не успел ответить, как его глаза расширились от ужаса, и он прошептал:

— Сяо... Сяо Хуа, позади тебя...

Хуа Чжаошуй, напуганный его выражением, медленно обернулся. Там, где раньше сидели зрители, теперь не было ни столов, ни стульев, а вместо них стояли — или, точнее, парили — множество фигур.

Их уже нельзя было назвать людьми — они были тонкими, как бумага, их одежда и украшения превратились в черные чернильные пятна, а вверх тянулись едва заметные нити.

Шум бамбукового леса снаружи стал еще громче, черные тучи сгустились, и яркий солнечный свет полностью исчез.

Хуа Чжаошуй замер, не в силах дышать, остальные актеры и музыканты тоже поняли, что происходит, и начали кричать, пытаясь бежать в панике.

Во дворе царил хаос, все бросилось к воротам. Но бумажные фигуры не двигались, только парили в воздухе, словно угрожая.

Хуа Чжаошуй уже дрожал, хотя эти фигуры были как куклы, он ясно видел их глаза, пристально смотрящие на него. Он глубоко вдохнул, толкнул коллегу и сказал:

— Беги.

Коллега тоже был в панике, но через мгновение схватил его:

— А ты чего стоишь? Бежим! Они пока не двигаются!

Хуа Чжаошуй покачал головой:

— Они начнут двигаться, если я уйду.

Коллега не поверил, пытаясь утащить его, но, когда они отступили на несколько шагов, бумажные фигуры мгновенно приблизились, заставив его вскрикнуть.

Хуа Чжаошуй, хотя и был напуган, чувствовал, что лучше оставаться на месте. Он вспомнил, что даос говорил, что с печатью на подвеске эти существа не смогут приблизиться.

Он осторожно отступил еще на несколько шагов, и бумажные фигуры снова последовали за ним, сохраняя дистанцию.

Хуа Чжаошуй понял, что они пока не атакуют, и немного осмелел. Коллега тоже заметил это и тихо сказал:

— Сяо Хуа, может, мы тихо отойдем к воротам, и все будет в порядке?

Хуа Чжаошуй, не отрывая взгляда от бумажных фигур, ответил:

— Думаю, тебе лучше бежать.

— Нет, я не могу оставить тебя одного... да я и не помню, как вернуться.

Хуа Чжаошуй не знал, что ответить, и продолжал осторожно отступать. После семи попыток бумажные фигуры перестали двигаться, словно застыв на месте.

Но Хуа Чжаошуй только напрягся, и вскоре фигуры издали пронзительный крик, бросившись на них, как лезвия.

Бумажные фигуры заполнили пространство, как рой пчел, и было ясно, что любой контакт с ними оставит раны. Хуа Чжаошуй уже представлял, как его разрежут на куски.

Они прижались к стене, крича, но внезапно давление исчезло. Через мгновение Хуа Чжаошуй осторожно открыл глаза и увидел, что нити, держащие бумажные фигуры, были перерезаны, и они упали на землю, превратившись в обычные листы.

Он поднял взгляд и увидел молодого даоса в традиционной одежде, держащего метелку, стоящего на стене и смотрящего на них. Лицо было незнакомым, но одежда была знакомой.

Хуа Чжаошуй с облегчением встал и сказал:

— Спасибо, Даос.

Молодой даос улыбнулся, помахав метелкой:

— Привет, друг, мы снова встретились.

Хуа Чжаошуй нахмурился, не вспомнив его, но он точно не был тем даосом, который наложил печать на его подвеску.

Он еще не успел подумать, как кто-то схватил его, и он услышал знакомый голос:

— Я пригласил господина Хуа, как он оказался в чужих руках?

Хуа Чжаошуй съежился, а голос добавил:

— И почему этот двор так похож на мой?

Даос на стене ответил:

— Это формация марионеток, довольно простая, поэтому мы так быстро нашли вас.

— Мы? — наконец заговорил Хуа Чжаошуй. — Значит, это все... ненастоящее?

<http://bllate.org/book/16756/1562913>